

(На стр. 326)

**Н.М. Чернышев
в Париже.** 1910.

Фотография.
Из архива семьи
Чернышевых.
Москва

Наш поезд пришел в Берлин в 6 часов утра. На вокзале мы почувствовали себя совершенно беспомощными. Но едва успели мы выйти на Фридрихштрассе, начинающуюся от самого вокзала главную улицу Берлина, как новые для нас впечатления образцового европейского города мгновенно излечили и прекрасно нас настроили. Все магазины, кафе и прославленные автоматы «Ашингеры» (берлинские предприятия общественного питания. – Ред.) были закрыты. В некоторых из них подметали полы, мы попытались было войти выпить кофе, нам загородили дорогу швабрами. Однако улицы были полны движения, и нас немало удивило столь раннее оживление Берлина. Занимали нас бесчисленные и разнообразные способы уличного передвижения. Велосипедисты-возчики с тележками позади себя, автомобили, автобусы, длинные дроги с бочонками пива. Улицы полны торопливого, делового люда. Гладко скользят конки на колесиках по ровной мостовой.

Мы пробыли в Берлине до самого вечера. Осмотрели Тиргартен с его бесконечной аллеей статуй императоров. Несмотря на ранний час у памятников толпились многолюдные школьные экскурсии. Мы успели опривиться, и, вероятно, не так уже плохо выглядели, так как нас стали спрашивать две торговки зеленью со своего высокого воза.

По плану разыскали мы Альтесмузеум и Национальный музей немецкой живописи, находящиеся рядом. Мы увидели множество оригиналов античной скульптуры впервые. Я с трудом оторвался от разбитой мраморной головы Венеры Пергамской, знакомой мне по

Н.М. Чернышев.
Из парижских зарисовок. 1910.
Бумага, граф. карандаш, акварель.
Собственность семьи Чернышевых.
Москва.
Публикуется впервые

Н.М. Чернышев.
Из парижских зарисовок. 1910.
Бумага, граф. карандаш. Собственность семьи Чернышевых.
Москва.
Публикуется впервые

И в русском ресторане отдыхали от утомления дня. Там оставалось мало публики... Мы отдыхали под звуки бродячих скрипачей, и эта случайная музыка роднила нас с чуждым городом.

Приятно наблюдать, как французы помогают друг другу. Нет той враждебности, с какою наш русский кондуктор норовит столкнуть с площадки вагона мальчугана, воспользовавшегося его отсутствием. Здесь велосипедист, с поклажей или без поклажи, безбоязненно придерживается за ручку трамвая, и, бездействуя сам, катит себе в гору.

Теплый, со звездами, вечер, мы устроили прогулку на Placedes Vosges. Осмысленные силуэты города. Все новые и новые неизвестные улицы и перекрестки, небольшие скверы, журчащие фонтаны – в этом было много своеобразной прелести. <...>

Один из дней мы посвятили осмотру импрессионистов у Durand Ruel (имеется в виду галерея коллекционера Поля Дюран Рюэля. – Ред.).

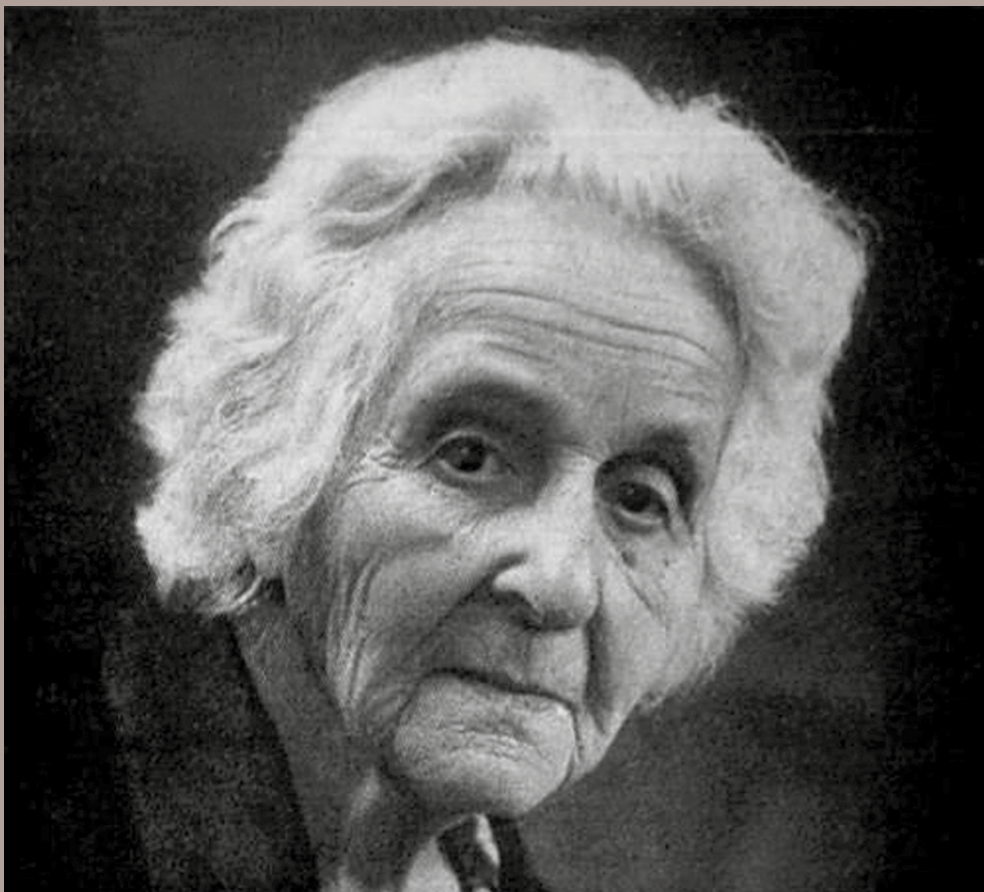
Н.М. Чернышев.
На каток.
1928–1958.
Холст, масло.
54 × 106.
Саратовский
государственный
художественный
музей
им. А.Н. Радищева

Эйфелевой башни. Оборачиваясь вправо, на восток, я вижу башню обсерватории Сорбонны, и душа моя уносится из Европы, далеко, к рубежу Азии.

С мессы, зайдя по обыкновению в Пантеон, я прошел в Jardines Plantes (Сад Растений. – Ред.), где видел множество зверей и роскошную растительность. Особенно много здесь красивых цветников и всевозможных оттенков прелестных шпажников на крепких длинных стеблях. Я видел живую газель – музу восточных поэтов, и черных лебедей, вдохновение современной экзотики.

Сегодня я задался целью весь день бродить по Парижу. Через площадь Бастилии пешком направился на кладбище Père Lachaise. Я проходил грязные кварталы рабочего люда. Улицы были оживлены; по направлению к кладбищу проезжало много иностранцев. Из кабаков неслись звуки граммофона. На улице встречалось много прелестных подростков.

Я направился прямо к могиле Шопена. Поднимаюсь по узкой, кривой дорожке. Передо мной скромный памятник дивного чародея, увенчанный статуей музы. Я долго сидел пред его могилой, увитой плющом,

Ольга Мануилова. Воспоминания

Публикация Ирины Ненароковой

(На стр. 368)

О.М. Мануилова.
1970-е гг.

** Долгое время фамилия супругов, скульпторов А.А. и О.М. Мануиловых писалась с буквой «й» (Мануйловы). По свидетельству же семьи Мануиловых, правильное написание их фамилии, как предков, так и потомков, – через букву «и». Так, в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» фамилия отца мужа Ольги Максимилиановны, известного российского экономиста и политического деятеля Мануилова Александра Аполлоновича пишется через «и».*

От публикатора

Передо мной – ветхие, потрепанные страницы с выцветшим от времени машинописным текстом. Они написаны более полувека назад, а повествуют о событиях без малого вековой давности. Автор – скульптор Ольга Максимилиановна Мануилова*. Заголовок гласит: «Воспоминания. 1919 г. Встречи с П.Г. Скосыревым». Текст предваряет письмо.

«Дорогая Таня. Шлю Вам обещанные воспоминания о встречах с Петей в вагоне, в Самаре, в Ташкенте. Конечно, многое позабылось. Я пыталась описать общую картину разрухи, голода, трудностей. Вся наша компания была так дружна, что нас считали родными...»

Далее в письме следуют обычные житейские сообщения о семье, о будничных делах и немного о работе. «Все мы готовимся теперь к 100-летию Киргизии. Все спешат, нервничают, и каждый день понемножку сходят с ума в этой спешке. Меня терзают – ставят гранитный памятник акыну по моей модели (речь идет о памятнике Тоголоку Молдо. – И.Н.). Торопят жутко, но не дают то леса, то машины для доставки...» Письмо помечено 7 августа 1963 года.

Кто же такие Таня, которой было отправлено это послание, Петя, о встрече с которым идет речь, да и сама автор письма? Чем привлекли меня ее воспоминания? Впрочем, обо всем по порядку.

Я нашла эти забытые страницы при разборке своего рабочего архива и перечитала их. Мемуары всегда интересны. А теперь, когда уже не осталось живых свидетелей того бурного времени, перевернувшего страну и жизнь миллионов людей, каждое дополнительное свидетельство очевидцев особенно ценно. Даже небольшое, частное, наполненное глубоко

установлен большой толстый вал, на который наматывалась громыхающая цепь с большой пятиведерной деревянной бадьей. Вал приводился в движение громадным широким колесом в два человеческих роста. Во внутреннюю окружность колеса вставляли две монашенки и, обхватив друг друга за пояс, шагали по перекладинам, прибитым к внутренней части окружности. Колесо начинало медленно вращаться, подымая тяжелую бадью с водой. Туда я и ходила за водой, с трудом взбираясь по обледелой лестнице, и тоже топталась в колесе, обняв монашенку. Ведро у матушки Татьяны было необыкновенное – сделанное из старой жестяной вывески, самой пестрой раскраски, всё в заплатах. Быт был очень труден. Казалось, сил больше нет.

И вдруг является Петя. Он избавился от всех приступов своей болезни, бодр и весел, но истощен и голоден. Пете тоже дали какое-то пристанище по ордеру из Реввоенсовета, но нас он не забывал. Экзотика нашего обиталища не смутила его. Петя умело подошел к миропониманию монашенки, беседовал с ней на душеспасительные темы и вскоре покорила ее сердце. Пока Петя сидел в келье, забавляясь с Мариночкой, я бегала в госпиталь к Коте, который тоже выздоравливал. Вскоре и он пришел, разделавшись с тифом, и к великому неудовольствию монашенки поселился тут же. Он стал спать на узенькой койке, я примостилась на скамье рядом с корзинкой Марины.

Теснота была жуткая, так как в келью по-прежнему приходили старушки-плакальщицы, варили свои постные кушанья, стирали белье... Забегал Петя, рассказывал о военных новостях, о том, что с транспортом на железной дороге очень плохо. В Туркестан идут только военные эшелоны. Как мы поедим и когда, никому не ведомо. Котя был так слаб, что никуда не выходил, а только лежал, что-то читал, мечтая о сытной еде, которой не было, так как деньги иссякли и не на что было выменивать продукты.

И вот какая-то сердобольная старушка посоветовала мне пойти с ней на другой берег Волги, где за кусок мыла дают больше картошки и пшена. Рано утром мы отправились в продовольственный поход. Волга раскинулась белой гладкой равниной. Где-то вдали сизыми дымками виднелась обетованная деревушка. Долго шли по глубокому сверкающему снегу, под которым был крепкий лед и текла великая река, моя родная Волга – ведь я родилась в Нижнем Новгороде, а мой дед, будучи командиром парохода, плавал по Волге.

В теплой избушке, в обмен на последние куски мыла и какие-то лоскуты мне дали картошки и пшена, комочек масла, угостили горячей лепешкой. К вечеру мы уже были дома и устроили маленький пир. Но что же делать дальше? Для меня осталось лишь Маринино одеяльце. А тут еще снова заболел муж. Его стало так трясти, что он подскакивал на кровати. Я побежала

(На стр. 385)

О.М. Мануилова
(автор модели).

Крестьянка
со снопом.

Автор росписи
Т.С. Зайденберг.

Фарфор, роспись
надглазурная,
серебрение.

23(Н) × 10,4 × 9,4.

Начало 1930-х гг.

Ленинградский
фарфоровый завод
им. М.В. Ломоносова.
Всероссийский
музей декоративно-
прикладного
и народного
искусства. Москва

